СЕРГЕЙ БАТАЛОВ:

Главное, не опозорить фамилию – свою и Алексея Владимировича

С Сергеем БАТАЛОВЫМ мы встретились на кинофестивале "Восток – Запад" в Баку, где он представлял картину В.Лонского "Голова классика". Вместе летели на самолете, гуляли кинематографическим гуртом по городу, и всюду его узнавали люди, даже бесплатно пускали в музеи, по-особому подносили чай в уличных кафе. Его окружает настоящая народная любовь. В последние годы С.Баталов очень много снимается не только в кино, но и в сериалах, которые и сделали его популярнейшим артистом. Его дни расписаны плотно, даже вырваться на три дня из Москвы бывает трудно, нерабочего времени практически нет.

– Сергей, а каково сегодня живется российскому артисту?

– Актерам в наше время работы хватает. Другое дело – какая это работа. Естественно, все мечтают о Достоевском и Чехове. А сериалы иной раз бывают за гранью. К ним можно по-разному относиться, считать, что они – гарнир, заполнение эфира между рекламой – главным блюдом на телевидении. Но и гарнир бывает удачный, а бывает неудачный, так же и сериалы – удачные или совсем наоборот. Я обратил внимание на то, что "Идиот" Владимира Бортко и "Штрафбат" Николая Досталя сподвигли и других режиссеров к пониманию того, что необязательно снимать кино про бандитов. Оказывается, что и про войну люди будут смотреть, если это сделано талантливо, и исторические сериалы, и классику. "Идиот" и "Штрафбат" побили все рейтинги, которые очень любят на ТВ.

Артисты сегодня, может, и сыты, но в кино довольно мало сценариев, про которые можно сказать: "Ах!". В моем случае, пожалуй, лишь о сценарии Георгия Николаева "Коля-перекати поле". Это вообще история особая. Да и Николай Досталь сумел собрать отличную команду. А команда в любом деле очень важна, когда работают люди одной крови. Если же говорить о заработках, то актеры, снимающиеся в кино, стали жить намного лучше. Появилась возможность заработать.

– Сейчас все говорят о том, что российское кино поднимается с колен. На себе-то ощущаете этот процесс?

– Может, и поднимается. Когда актер работает, он не задумывается о подобных вещах, как не задумывается о том, получается фильм или нет. При советской власти снималось много картин. А сколько было среди них шедевров? Мало ведь все равно. Но существовал определенный уровень среднего кино. Хорошего, крепкого. В любой отрасли производятся хорошие товары, иногда эксклюзивы. А у нас – либо эксклюзив, либо очень плохо. Среднего нет. Когда будет добротное кино для зрителя, которое, может, и не отправят на Каннский фестиваль, но его не стыдно показать, когда случайно человек зайдет в кинотеатр и посмотрит хороший фильм – вот идеал. А у нас очень уж разрыв большой получается: или Каннский фестиваль, или Фиганский. Или – касса. Понятно, что, если бизнесмен вкладывает деньги в кино, он хочет вложенное вернуть. Он и к кино хорошо относится, но вернуть-то ему необходимо. Я вот часто думаю, а можно ли сегодня снять фильм, такой, как "Андрей Рублев"? Или "Войну и мир"? Дали бы денег на "Андрея Рублева"?

– Вы можете позволить себе быть разборчивым в выборе того, что вам предлагают сегодня?

– Можно соглашаться на все то, что тебе предлагают, – вдруг среди навоза появится жемчужина. Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Когда Армена Джигарханяна спросили, почему он такой всеядный, он ответил: "Сынок, если бы режиссер говорил, возьму-ка я плохонький сценарий, плохонького оператора и таких же артистов и сниму плохонький фильм…" Естественно, все хотят сделать хорошее кино. Но не всегда получается. Иной раз смотришь – и сценарий ничего, и режиссер хороший, и артистов замечательных пригласил, а что-то дело не туда пошло. А то читаешь сценарий – ничего не понимаешь, и режиссер странный какой-то, и вдруг – бах! – случилось. Как это произошло? Поэтому актеру сложно выбирать. Конечно, когда читаешь совсем уж отстой – отказываешься. Но меня Господь Бог оберегает. Там, где не надо сниматься, как будто уводит от греха подальше. Прихожу, встречаюсь с режиссером, а потом как-то само собой получается, что пути наши расходятся. Что суждено, то суждено. Всех денег не заработаешь. Дочка вот подрастет и спросит: "Папа, а что ты вообще в своей жизни сделал?" И надо отвечать по-честному. Мы сами-то судим себя построже любого критика и понимаем, что действительно сделано, а что так себе или за деньги.

– Это Николаю Досталю пришла идея сделать продолжение фильма "Облако-рай" – "Коля-перекати поле"?

– Андрей Жигалов, исполнитель главной роли в фильме "Облако-рай" – клоун. И когда мы сделали "Облако-рай" в 1990 году, он как раз окончил цирковое училище и уехал по контракту работать в Германию. А где-то году в 97-м вернулся, мы встретились, и в разговоре возникло даже не предложение, а какие-то размышления о том, что было бы с нашими персонажами спустя лет восемь. Потом Николай Досталь искал деньги на фильм. Их никто не давал. Кино-то простое, а деньги дают на блокбастеры. У нас ведь что ни фильм, то блокбастер. В результате средства на проект выделило государство. Сняли за зиму, очень быстро. Досталь всех нас собрал. Актеры приехали из разных городов и даже стран: Анна Овсянникова – из Братска, Владимир Толоконников из Алма-Аты, Андрей Жигалов из Германии, Лев Борисов, я и Ирина Розанова – москвичи. Хорошо сказала Розанова: "Слава богу, что все мы живы, все собрались и можем снять кино". И сделали это с большой любовью друг к другу. И я опять увидел, что такое команда. Умеет Досталь ее подбирать.

– А если сделать и третью часть, еще одно продолжение, каким бы, по-вашему, могло быть развитие событий?

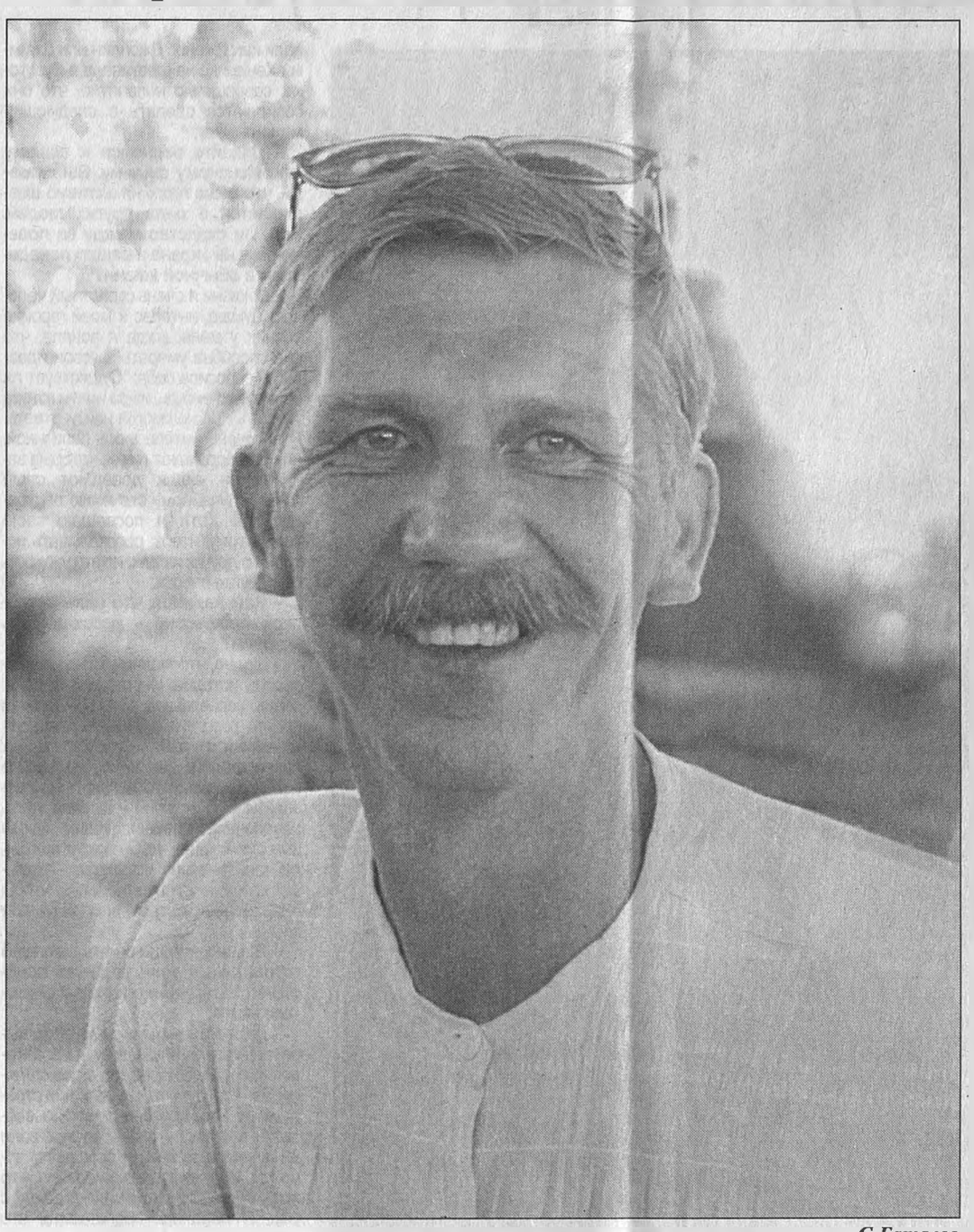
– На премьере "Коля-перекати поле" в Выборге зрители подходили и спрашивали: "А продолжение будет?" Герой-то Андрея Жигалова уехал из родного городка опять. Мы и в Госдуме показывали фильм, и там хотят его продолжения. Почему бы и нет. А как события могут развиваться? Моя версия – все герои поедут в гости к Коле. Смогут ли они оторваться, уехать из городка, который некоторые никогда и не покидали? Коля вот уехал, а вернется или нет – неизвестно. И отправится мой Федя с женой Валей – Розановой искать Колю через всю страну, а может, и несколько стран.

– Между уже сделанными картинами был значительный перерыв, а герои ваши словно бы и не изменились…

– Это первое, о чем сказал нам Николай Досталь, – ничего не изменилось. Мы еще думали, может, что-то поменять, прическу хотя бы. Но вот приехали на съемки в Петрозаводск и увидели, что там все, как и прежде. Даже занавески на первом этаже дома, где мы когда-то снимали, – те же самые. И турник тот же, разве что слегка покосился. Его мы построили во время съемок в 1990 году. Так он и стоит. А ведь это декорация.

– Но вы-то – другие…

– Конечно, другие. В 1990 году мы снимали неделю "Облако-рай", и вся округа знала, что снимается кино, и вдруг какой-то мужик подходит и спрашивает: "А когда артисты-то приедут?" Нас он не воспринимал как артистов, принял за своих. Поначалу мы обиделись, а потом поняли, что это лучший комплимент. Для чего я это рассказываю, чтобы было понятно, что прошло время и мы стали популярными артистами. И когда мы приехали с "Колей…", местные жители уже вспоминали: вот из этого подъезда Розанова выходила, а тут Баталов появился. Груз ролей давал о себе знать. Да, мы повзрослели, но, по сути, остались такими же, а наши герои вместе с нами постарели, но, как и прежде, хотят вырваться из болота жизни, но не могут.



С.Баталов

– Вы все время говорите о команде единомышленников. А в чем особенность людей, умеющих их собирать, – Николая Досталя, Сергея Женовача, с которым вы работали в театре?

– С Женовачем мы в течение 12 лет работали вместе каждый день. Что объединяет Досталя и Женовача? У них никогда не было любимчиков среди артистов. К каждому из нас они относились и относятся как к личности. В театре всегда существуют премьеры и премьерши, кто-то играет исключительно главные роли. А Женовач исполнявшему небольшую роль актеру уделял больше внимания, чем тому, у кого главная. То же самое и у Досталя. А человек чувствует, как к нему относятся. Может, какая-то загогулинка и не самая важная, но без нее не будет четко работать механизм. Женовач с Досталем обращают внимание на любую мелочь. Каждый костюм смотрят, чтобы пуговички на нем были, какие надо. Ничего мимо не проходит. А ты чувствуешь, что важен в этой ситуации.

– Когда вы во главе с Сергеем Женовачем уходили всей командой из Театра на Малой Бронной из-за конфликта с администрацией, достаточно ли сами боролись за сохранение своего коллектива, чтобы не расстаться, не пропасть?

– Уходили с ощущением, что не пропадем. На наши спектакли ходили, и команда была. И сейчас известные актер или режиссер уходит из известного коллектива, решив, что будет существовать сам по себе, и все думают: "Ну он-то не пропадет, талант". Ан нет. Когда нет помещения и негде показывать спектакли, как жить? У всех тогда было ощущение, что мы прорвемся, и никто не думал о нас, считая, что эти не пропадут. В результате только теперь, после того как Женовач стал профессором, заведующим кафедрой режиссуры в РАТИ, выпустил свой первый самостоятельный курс, ему дали помещение для собственной театральной мастерской. На бывшей фабрике между "Пролетарской" и "Таганской", которое еще надо оборудовать под театр. Замечательные у него ребята, которые тоже не хотят разбегаться по разным театрам. Команда. В театре коллектив очень важен. В кино тоже, как это ни парадоксально. Помню, как Анна Овсянникова приехала на съемки "Облака-рай". Какой может быть контакт между партнерами, которые незнакомы. Полчаса остается до выхода на съемочную площадку, Овсянникова только что с самолета. Но вот она подошла, а было холодно, и перебросила меня через бедро со словами: "Ну, согрелся?" И все. Контакт налажен.

– После ухода с Бронной вы пытались свою театральную судьбу как-то выстраивать?

– Каждый из нас пробовал начинать в других театрах. У всех все получилось как будто. Я пробовал работать во МХАТе, Ирина Розанова – в Ленкоме. Но бывает такое чувство: не мое. Когда тебе 22 года, за плечами только театральное училище, то хочешь что-то доказать, самоутверждаться, а ближе к сорока просто приходить в театр, играть какие-то спектакли, получать зарплату – скучно. Мне важно ощущение того, что я бегу на репетицию, чтобы увидеть именно тех, с кем интересно работать, иначе просто начинают люди ненавидеть друг друга. А уйти боятся. Куда? Работают от безвыходности. Для меня раньше на первом месте был театр. Многие кинопроекты от этого были неосуществимы, не хватало на них времени. Сейчас я уже сам могу регулировать ситуацию, решать, где сниматься, а где нет. Такая свобода немного развращает, потому что актеру все-таки надо каждый день репетировать, как балерине у станка стоять. Возникали у меня и антрепризные проекты.

– Они похожи на сериальные?

– Они взаимосвязаны. Антрепризе важен зрительский успех. Как только ты становишься популярным актером, естественно, тебе звонят, предлагают пьесы. И ты понимаешь, что стал медийным лицом. Я ведь и сам занимался антрепризными делами. Уйдя из Театра на Малой Бронной, мы начали ездить со спектаклем "Провинциалка" по Тургеневу. Мы-то с Ирой Розановой снимались, а другие нет, надо было как-то деньги зарабатывать. Но "Провинциалку" поставил Женовач. Нам не стыдно было за нее. Мы серьезно репетировали, у нас костюмы были, декорации, а не два кресла. Я звонил в разные города и первое, что меня спрашивали: "А какие имена?" Отвечал: "Розанова, Цыплакова, Баталов…" "Баталов? Берем". Фамилия-то известная. Кстати, два года назад хотели открыть кинотеатр под названием "Баталов" – в честь Алексея Владимировича Баталова. Была презентация. Позвали почему-то и меня. Там мы наконец-то познакомились с Алексеем Владимировичем.

– Прямо-таки династия…

– Когда я заканчивал ГИТИС и пришел в театр, мне советовали поменять фамилию, взять псевдоним. Я думал об этом, но вовремя не сделал, а потом уже поздно было менять. Все время люди спрашивали, не родственники ли мы. Отвечал: "Однофамильцы". В ответ слышал: "Ну ладно уж". А когда, чтобы отстали, говорил, что родственник, слышал: "Да какой ты родственник?" Главное, я сказал себе, – не опозорить фамилию. Думаю об этом, когда предлагают ужасные сценарии, от которых пахнет только деньгами. Для меня Розанова – пример. Отказалась от рекламы за большие деньги, полагая, что деньги разлетятся, а позор останется.

– Но рекламу научились у нас и культурно делать. Чулпан Хаматова рекламирует швейцарские часы, и это красиво…

– Может быть. Но не для каждого. Не могу себе представить Смоктуновского в рекламном ролике. Даже если это часы. Или гениального Леонова, Борисова. Меньшикова могу. Мне же не предложат швейцарские часы рекламировать. А пылесосы не буду. Но я не ханжа в этом вопросе. Если бы сидел на диване и ничего не делал, тогда бы… Но тогда бы не предложили. Все закольцовано. Я за то, чтобы актеры много работали, потому что артист без работы – это чудовище. Есть работа – он летает. Нет – это свидетельство ненужности. Звезд 50 – 70-х страна носила на руках. Гениальный артист Михаил Кононов живет теперь в деревне. Мы встретились с ним на съемках у Панфилова. Вижу, он готов еще многое сыграть. А не зовут или предлагают такое, что, как говорит он сам, стыдно перед товарищами, которые лежат на Ваганьковском кладбище. Лучше уж в деревне картошку сажать.

Кто-то проходит через такие сомнения, работает и профессию не теряет. Кто тут прав? Уехать в деревню, не сниматься или работать, несмотря ни на что, и попытаться сделать так, чтобы наше кино все-таки поднималось с колен? Кононов – гений. А молодые актеры, снявшиеся в сериале, думают, что ухватили жар-птицу за хвост и так будет всегда. Крыша съезжает, главное, чтобы она восстановилась вовремя. Женовач вот не разрешал своим студентам сниматься, потому что считал, что они еще профессии не получили. Табаков ведет интересную политику в этом смысле. Он привел в театр популярных актеров, на которых идет зритель, что тоже бизнес. При этом подписывается контракт, предусматривающий в случае приглашения актера в кино процентные отчисления театру. Тогда уж театр составляет график, позволяющий артисту и в кино работать, и в театре. Ведь если актер не будет сниматься, он потеряет популярность, значит, зритель на него не пойдет. И Женовач понимает, что театральная зарплата мала, а молодому актеру, живя в Москве, часто иногороднему, надо как-то жить. Пытается что-то делать. Ради кино из театра уходить нельзя – это ошибка. Хотя часто в театре тебя не видят, а кино вдруг открывает новые перспективы. Сам я бы никогда не ушел из театра, если бы не обстоятельства, когда Женовач, будучи главным режиссером, не мог ничего решать из-за конфликта с администрацией театра и мы, девять актеров, не задумываясь, ушли за ним.

– У вас самого ведь очень плотный съемочный график?

– Голова – как компьютер. Я состою в актерском агентстве "Макс", но все равно сам думаю, где и с кем работать. Последнее слово всегда за мной. Если предлагают в очередной раз роль милиционера, то уже не могу этого делать. Роль, может быть, и небольшая, но если есть за что зацепиться и что сыграть, – соглашаюсь. Часто берут артиста, чтобы он наполнил роль мясом. Не могу понять, как вообще некоторые сценарии запускаются. Правильно говорила Раневская: сыграть в плохом фильме – это все равно что плюнуть в вечность. Иногда люди не задумываются о том, что все ведь остается на целлулоиде. А потом с тебя спросят: что же ты сделал, дорогой?

Сам я снялся недавно у Глеба Панфилова в сериале "В круге первом" по Солженицыну. Роль интересная – следователь. Жесткая. Я таких не играл. Подобрался хороший актерский ансамбль, и вообще это такое счастье – работать с Панфиловым. Он никуда не торопится, репетирует, много дублей делает. Режиссерская и актерские импровизации совпадают. Такой кайф от этого получаешь. Словно не сериал снимаем, а просто хорошее кино, да, собственно, так оно и есть. Я не думал о том, когда закончится съемка.

Вышел "Атаман" Василия Мищенко. Тоже, я считаю, не сериал, а многосерийный фильм. Снимаюсь у Елены Николаевой в картине "Ванечка". Главный герой – девятимесячный ребенок, а вообще это история про девочку, приехавшую из провинции поступать во ВГИК. Саша Котт начал снимать "Героя нашего времени". У меня роль денщика Печорина. У него ведь было несколько денщиков, а мы решили всех собрать в единый образ дядьки, который воспитывал его с детства и пройдет с ним весь путь до конца. Печорина играет Игорь Петренко.

С Андреем Кравчуком буду работать на сериале "Колчак". Роль интересная – человека, который следит за золотым заласом Колчака. Пришел я на фотопробы, и мною занимались так серьезно, а многое ведь очевидно на подготовительном этапе. Раньше на него давали три-четыре месяца, а теперь все быстро. Иногда говорят: "Нет ли у вас костюмчика подходящего, может, из своего чего подберете?" И уже ясно, какой фильм получится. А в "Колчаке" все продумано. Роль у меня не главная, но на протяжении всего фильма. Дело не в количестве слов. Кино – все-таки изобразительное искусство.

Актеры иной раз не отказываются от предложений, которые во времени накладываются. Потому что никогда не знаешь, состоятся съемки или нет. То денег не дали, то что-то еще. А ты отказался от другой работы. Поэтому актеры говорят: как-нибудь разрулим ситуацию. Ненужное отпадет, а нужное останется.

Иногда посмотрю хороший фильм и думаю: как жалко, что меня в этой команде не было. А то и по-другому – слава богу, что я здесь не работал. Но это редко. Хотя за какие-то вещи стыдно. Но я не жалею о том, что сделал. Можно не сделать и жалеть, что не сделал. Лучше сделать. А кто его знает, может, и не придется жалеть об этом.

– На телевидении, знаю, существует градация актеров…

– Телеканалы даже хотели поделить актеров. Мы ведь много снимаемся, а потом вдруг все твои сериалы появляются в эфире одновременно. Вот и получается, что на "Первом" актриса беременна, переключаешь кнопку, а на "России" она родила, на НТВ только замуж выходит. И зритель начинает путаться. Поняли, что надо как-то договариваться, что это – актер "Первого канала", этот – НТВ, подписывать эксклюзивные договора, что ты будешь сниматься только в сериалах конкретного канала. Но так и не договорились. Хотя, может, и существует негласная градация. Есть такое понятие "медийные лица". В Баку я даже услышал разговор продюсеров, рассуждавших о сериале: "Что-то у тебя много зелени, а красных совсем нет". Подумал, что за птичий язык. Выяснилось, что зелень – это молодые актеры, желтые – хорошие, но неизвестные, красные – медийные лица, то есть известные актеры. Бывает, что на главные роли утверждают тех, кто и не подходит, и режиссер не вполне согласен с выбором, но продюсеры каналов настаивают, потому что якобы народ хочет видеть именно их.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ